

СОВРЕМЕННОСТЬ И КРИЗИС СОЦИАЛЬНОСТИ

Варич В.Н.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Социальные эффекты массовой коммуникации являются предметом философского и культурологического анализа на протяжении всего времени их воздействия на общественную реальность. Французский мыслитель Ж. Бодрийяр подверг критическому рассмотрению новый тип социального объекта, на который направлена активность масс-медиа. Характеризуя его как «молчаливое большинство», Бодрийяр утверждает, что пространство социального в современном мире перестало существовать, превратившись в сферу симуляции, в которой ни одна классическая категория социальной философии – будь то «народ», «класс» или «объективные условия» – не имеет социального референта. Единственным оставшимся референтом Бодрийяр признает массы, которые по сути являются иллюзорным субъектом, так как не имеют и не могут иметь никакой репрезентации. Массы не выражают себя и не рефлектируют, вместо этого они подвергаются зондированию и тестированию, которые выражаются в постоянно действующем референдуме, организуемом средствами массовой информации.

По Бодрийяру, массы не являются инстанцией, на которую можно было бы ссылаться, они не являются субъектом, в том числе и субъектом истории, поэтому они не находят отражения в политических идеях и движениях и не поддаются идентификации. Поскольку массы не являются субъектом, постольку они не могут быть отчуждены от самих себя, а это отчуждение соответственно не может быть высказано посредством какого-либо языка. Масса «функционирует по принципу симуляции и мнимого референта, предполагающему политический класс-фантом и исключаящему какую-либо «власть» массы над самой собой – масса есть в то же время и смерть, конец политического процесса, которому она могла бы оказаться подконтрольной¹. Иллюзия увеличения эффективности управления массами по мере возрастания их пассивности оборачивается крушением реальной политической власти: властные структуры затрачивают усилия уже не на контроль за обществом или тем более не на руководство им, а на удержание его в управляемом состоянии и преодоление инерции пассивного сопротивления массы любым импульсам извне.

Бодрийяр констатирует принципиальный переворот в соотношении «социальная система – информация». Введение информации в общественный процесс, по сути, должно было бы придавать социальности форму и структуру. Вместо этого под воздействием информационных потоков социальное как таковое разрушается, так как определяемая ими социальная масса неподконтрольна классическим социальным институтам и невосприимчива к самой информации. Интенсивная социализация через массовую коммуникацию привела общество к результатам, противоположным ожидавшимся: социальная организация реальности претерпевает распад, а на поддержание симуляции социального уходит вся энергия социальной системы. Если в период становления индустриального, а затем постиндустриального общества власть перманентно производила политический, идеологический, культурный смысл, то в настоящее время проблемой является спрос на смысл: «Масса вбирает в себя все знаки и смысл, и те уже не являются знаками и смыслом. Она поглощает все обращенные к ней призывы, и от них ничего не остается². Более того, масса обходится не только без смысла, но без истины и без мотива, она не нуждается ни в сознании, ни в бессознательном, переводя политическое и социальное в сферу гиперреальности, в которой невозможно определить, какая из взаимодействующих сторон имеет преимущество – «симуляция, с которой обрушилась на массы власть, или ответная симуляция, обращенная массами в направлении распадающейся под ее влиянием власти».

Бодрийяр характеризует массу, как парадоксальное социальное образование: во-первых, она является одновременно объектом симуляции и ее субъектом, который способен на гиперсимуляцию; во-вторых, она не является социальным субъектом в традиционном понимании этого слова и в то же время не является социальным объектом, на который может быть направлена познавательная активность; в-третьих, масса не объективируема и поэтому не может иметь политического представительства; в-четвертых, масса не является носителем автономного сознания и в силу этого любые попытки выступить от ее имени бесперспективны. Поэтому сколько-нибудь научно обоснованные результаты изучения социальности в современном обществе, по Бодрийяру, невозможны – итогом зондирования общественного мнения и попыток выразить его с помощью артикулированной речи становятся лишь заклинания и магические ритуалы, которые направлены на объект, ускользающий от презентации.

С этой точки зрения нынешний период развития средств массовой информации можно определить как фазу замораживания смысла. Если критически мыслящий человек стремится к постижению смысла через оценки и установление различий, то массы не выбирают, а в подтверждение слов Маклюэна о том, что средство сообщения само является сообщением, интересуются только посредником, носителем послания. Существенной чертой массы как участника коммуникативного процесса Бодрийяр считает погружение всякого возможного смысла в поле неразличности, в свободное от смысла гипнотическое состояние, вызываемое деятельностью средств массовой коммуникации. «Оно имеет место там, где царствуют медиум, идол и симулякр, а не сообщение, идея и истина. Однако именно на этом уровне и функционируют средства массовой информации. Использование гипноза – это принцип их действия, и, руководствуясь им, они оказываются источником специфического массивованного насилия – насилия над смыслом, насилия, отрицающего коммуникацию, основанную на смысле, и утверждающего коммуникацию иного рода». Этой новой коммуникации свойственна враждебность к посланию и к его коду, которая проявляется во всех сферах жизнедеятельности масс, – от политики до восприятия рекламы. Следствием индифферентности или враждебности массы к сообщениям, по Бодрийяру, является превращение политической деятельности в спектакль, который разыгрывается перед обывателем, уравнивание на ценностной и смысловой шкале телеигры и предвыборной компании, восприятие политической сферы по аналогии с восприятием футбольного матча или художественного фильма. Более того, о своем собственном мнении и его колебаниях массы узнают так же, как и обо всем другом, – с помощью домашнего телевизора, газеты или интернет-страницы. Свидетельством утраты значимости политики для масс является также ограничение их активности сферой частной жизни, которое выглядит как непосредственный вызов политическому, как симптом его смерти.

По мнению Бодрийяра, социальный прогресс сопровождается различными формами сопротивления принудительной социализации. Первоначально это сопротивление оказывали различные субкультуры, которые по-своему осваивали и преобразовывали послания массовой культуры. Они не только специфически расшифровывали эти послания, но и заставляли их циркулировать в рамках своеобразного культурного цикла. Совершенно иная картина наблюдается в современном обществе: угроза для социализации исходит не от структурированных традиционных групп, а от масс, которые бесструктурны и инертны. Массы не вырабатывают новый код, но превращают любое сообщение в зрелище, они не сопротивляются социализации, но и не поддаются ей. В динамике массовой коммуникации остался единственный участник – масса, которая является и субъектом, и объектом сообщения, и носителем сообщения, и самим сообщением. Поэтому не только кинематограф, но и наука и техника, возникшие как средство презентации рационального и социального, дрей-

фуют в сферу воображаемого, магического и зрелищного. Даже святая святых экономики – потребительская стоимость – более не определяет закономерное течение экономических процессов, поскольку масса противопоставляет ей стоимость как знак, смысл и значение которого определяется массовой коммуникацией. «Существо нашей современности не заключено ни в борьбе классов, ни в неупорядоченном броуновском взаимодействии лишенных желания меньшинств – оно состоит именно в этом глухом, но неизбежном противостоянии молчаливого большинства навязываемой ему социальности, именно в этой гиперсимуляции, усугубляющей симуляцию социального и уничтожающей его по его же собственным законам».

Со времени опубликования работы Ж. Бодрийера «В тени молчаливого большинства» (1978 г.) актуальность поднимаемых им тем не только не уменьшается, но и возрастает благодаря появлению и развитию новых средств массовой коммуникации. Действительно, в условиях образования глобальных информационных сетей и включения в сферу их действия все большего количества индивидов с различными культурными ориентациями утверждение Бодрийера о том, что усиление воздействия средств массовой коммуникации и увеличение масштабов их влияния приводит к уничтожению социальности как таковой, представляется весьма аргументированным. Превращение массы в единственный субъект и источник массовой коммуникации выражается не только в нивелировании смыслов и предпочтений в массовом сознании, но и в принципиальном преобразовании социокультурной динамики, основные элементы которой применительно к западному обществу второй половины XX века охарактеризовал А. Моль. Он выделял в поле культурного взаимодействия два полюса – макросреду, вырабатывающую поле общественного сознания, и микросреду, формирующую социокультурные рамки, в которых развивается макросреда. Характеризуя западную культуру как «мозаичную», Моль показывал, что в ней социальное, индивидуальное и опосредующая их социокультурная таблица функционально и содержательно взаимосвязаны, образуя циклический процесс массовой коммуникации. Бодрийер же считает, что в ситуации самоуничтожения социальности в массовом обществе посредника нет вообще – социальное и индивидуальное слиты настолько, что индивиды образуют уже не общество, а безвозвратно поглощающий все возможные внешние импульсы инертный конгломерат – «молчаливое большинство». Это образование по сути уже не является социальным, так как все проявления социальности исчезают в нем или преобразуются в нечто противоположное ей, когда, к примеру, наиболее признанные и ценимые достижения общественного развития (такие, как образование, медицина, социальное обеспечение) становятся объектом пассивного сопротивления и в то же время фетишизируются в качестве символов социального благополучия.

Многое из сказанного Бодрийером вполне применимо к современной социокультурной ситуации в Беларуси – во-первых, потому, что «молчание» как пассивное восприятие социальных сообщений без непосредственного эффекта является одной из характерных особенностей социального поведения соотечественников, и поэтому весьма затруднительно прогнозировать возможные реакции массового сознания на изменения в экономической и политической жизни; во-вторых, потому, что общее информационное пространство поневоле вовлекает постсоветские государства в орбиту влияния мировых масс-медиа и делает описанные выше метаморфозы социального не только возможными, но и по видимости неизбежными. Поэтому одна из задач социальной философии и культурологии заключается в том, чтобы выработать стратегию культурной поддержки такого развития и социализации индивида, которые привили бы ему навыки критической мысли, самостоятельной оценки и автономного выбора в различных культурных ситуациях.